

Георгиос Визинос.

Почему яблоня не стала аблонью.

В добрый час возник в нашем обществе языковой вопрос – по мне, так важнейшая из проблем, с которыми сталкивалась греческая нация, важнее, возможно, даже самого Восточного вопроса. Однако, дорогие читатели и читательницы, те из вас, кто остался в стороне от Великой идеи, не удивляйтесь непосредственной связи живейшего этого вопроса со школьным обучением в Греции. Мне это знакомо. Монахи придерживаются мнения, что те, кто не отдает свои надельные монастырям, ради обеспечения братьев и сестер, непременно отправятся к дьяволу. Писатели утверждают, что развитие нации возможно лишь в том случае, если каждый грек не замедлит подписаться на их книги, разумеется, оплатив подписку вперёд. Я могу предположить, что Греция не решит Восточный вопрос в свою пользу, прибегая к архаизации языка, поэтому прихожу к выводу, что величие нашей страны будет заключаться не в чём ином, как в словах. Словах, и только словах! «Нет! Причина, по которой я связываю греческий вопрос с другими проблемами, вся надежда Греции – это...». Однако лучше, дорогие читатели, определите её сами. Сочинение же, которое я представляю вашему вниманию, - это всего лишь небольшая история. История настолько простая и заурядная, что у меня даже есть сомнения, не появлялась ли она уже в какой-нибудь крупной газете или в одном из объемных трудов, коих немало было написано за последнее время на тему языка современных греков! Вот моя история.

Будучи учеником в одной из греческих школ, я питал особую слабость к яблоне. Да-да, не к дочке своего соседа, а к яблоне, деревцу, которое украшало наш сад. Эта яблоня была удивительным деревом. Она цвела и плодоносила не только летом, как её сёстры, но и осенью. Узнав эту первую в своей жизни яблоню, которая и позже нравилась мне больше остальных, я приучился называть яблонями все деревья, обладавшие сходными чертами и дававшие яблоки, даже если эти деревья не плодоносили дважды в году. При этом, несмотря на продолжительную дружбу и симпатию между нами, я не могу сказать, что нам удалось хорошо узнать друг друга. Не знаю, стремилась ли она когда-либо понять, что я за существо, так часто играющее в её тени или восседающее на её ветвях. Я же прекрасно помню, как во время её цветения я стоял, восхищенно рассматривая её светло-красный убор и недоумевая, что же за чудо такое это дерево! Чем бы оно могло быть. Однако сколько я не расспрашивал окружающих меня людей, ответ всегда был один и тот же – это дерево называется яблоней. Замечательно! Ну а яблоня-то – это что такое?

Когда в нашу деревню прислали нового учителя, в глубине души у меня зародилась надежда узнать, наконец, что же такое яблоня. Ведь ещё до приезда этого господина среди нас, ребят, разлетелись слухи о его неслыханной образованности. Эти слухи не оказались ложными. Едва этот злополучный человек появился среди нас, он зачитал по списку наши имена и объявил, что все они записаны неверно, а предыдущий наш учитель был дураком. И он поставил себе одной из целей исправление наших имен.

- Как тебя звать?
- Феодорос Бератоглу.
- Нет, дурак ты эдакий! Звать тебя Фукидидом. Фукидидом Бератоглу. А тебя, как тебя звать?
- Димитрис Демирдзоглу.
- Нет, дурак ты эдакий! Демосфен Демирдзоглу.

Этот бессовестный человек настолько изменил все наши имена, мужские и женские, что если бы случилось в то время одному из иностранцев, интересующихся Грецией и сочувствующих ей, попасть в нашу деревню, то без сомнения он бы решил, что внезапно оказался в самой Древней Греции, среди богов и богинь, полубогов и героев, поэтов и мудрецов. И все они обучаются в местной школе, ходят босые и с непокрытой головой, как и в древние времена, разве что носят в шаровары, жилетки и пояса.

Даже когда этот бессовестный человек убедил всех вокруг, что я не Георгис, а Горгиас, меня это совсем не задело – просто рассмешило и всё. Так или иначе, мне ведь практически никогда не приходилось звать самого себя, так что эта перемена затронула лишь окружающих, которые вынуждены были называть меня новым именем.

Однако образованность нашего учителя не отразилась исключительно на наших именах. Дважды или трижды в неделю на одного из нас возлагалась обязанность работы в городском саду. Я не мог дожидаться своей очереди. В саду цвело такое же дерево, что и у нас. Любым способом я должен был выяснить, что же такое это дерево. Наконец, пришло моё время, и когда мы с учителем оказались перед яблоней, я спросил его, указывая на дерево пальцем:

- Учитель, что это такое?
- Аблонь.
- Нет! – ответил я. – Ты его не знаешь! Это яблоня!

Лучше бы мне этого не говорить, потому что с того момента начались мои мучения с этим учителем. Небо и земля свидетели, что я не о названии спросил его – название я знал – я жаждал узнать о самом дереве, что это такое, и больше ничего. Учитель же (не знаю, что ему в голову ударило) возомнил себе твёрдо вбить мне, что яблоня, это не яблоня, а аблонь.

- Повторяй, что это дерево – аблонь, повторяй! – кричал вне себя тощий и бледный учитель, схватив меня за ухо и указывая на дерево.

«Да что б его», думал я в негодовании. Как возможно, чтобы яблоня превратилась в аблонь! Это ведь то же самое дерево, что растёт и у нас в саду, оно также цветёт, у него те же листья, те же плоды. Оно не может быть ничем другим, а только яблоней, такой

же, как и наша собственная. Я это знал с малых лет, так меня научила моя мать. Да так весь мир говорит! Неужели этому чужаку, явившемуся изменять наши имена, я поверю больше, чем собственной матери и своим соседям!

- Учитель, ты не знаешь этого дерева! – отвечал я каждый раз на его вопрос. – Это яблоня!

- Ах так? Значит, ты, дурак, продолжаешь упорствовать? Сейчас я тебе покажу, как называется это дерево.

И задал мне по первое число, не переставая кричать и требовать от меня признания того, что яблоня – это не яблоня, а аблонь!

Когда же я вернулся домой и увидел в саду наше прекрасное дерево, цветущее и благоухающее, вокруг которого услужливо кружился рой пчел, мне стало так стыдно! Мне чудилось, что каждый листик смотрит на меня с укором, каждый цветочек готов заговорить и обвинить меня в предательстве... Этот удручающий пчелиный гул, казалось мне, осуждает мою глупость. Да и как не осуждать! Ведь дерево, бывшее прямо передо мной во всем походило на дерево из городского сада! А я от него отрёкся и сказал-таки, что это не яблонь, а аблонь.

Я до сих пор хорошо помню, что всю ночь видел во сне цветы яблони, которые представляли передо мной в виде бесчисленного количества одетых в белое маленьких прекрасных девушек. Эти создания, кружась около меня, порицали и осуждали меня за мою глупость.

На следующий день в школе я бросил на учителя дерзкий, полный презрения взгляд.

- Так как же называют дерево, о котором мы говорили? – злорадно спросил он.

- Яблоня, учитель, – упрямо ответил я и направился к своему месту.

Сестя я не успел. Этот злодей схватил меня за ухо и опять стал мучить. Не к чести роду учительскому перечислять все мои мучения, которые я претерпел. В конце концов, мне, разумеется, пришлось сдаться. В противном случае, опасности подвергалась моя жизнь. Однако - я это говорю ради спокойствия нашей яблони – её я не предал. И смотрите почему.

Поняв, что я больше не смогу сопротивляться жестокости этого нехристя, я вот как рассудил: яблоня, что растет в городском саду и может быть аблонью, но называется она так по той лишь причине, что учитель меня мучает. Яблоня же, что растёт в нашем саду, - это яблоня, потому что яблоня! Таким образом, я пришел к согласию с учителем.

С того момента в моей голове не прекращался спор между яблоней и аблонью. Это может показаться странным, смешным, но, поверьте, тогда мне было не до шуток.

Яблоня, а точнее, как говорят психологи, образ слова «яблоня» обосновался у меня в душе вместе с образом дерева. Это произошло в то время, когда я был открыт всему новому и жадно внимал тому, что говорила моя мать, рассказывали мои домашние и соседи. Мое воображение радостно принимало каждый новый образ и предоставляло ему всевозможные удобства так, что он чувствовал себя полным хозяином в моей голове. Многие этим воспользовались, воспользовалась этим и яблоня. И в тот момент, когда она уже обжилась, обзавелась домом и друзьями-образами, с которыми столько времени жила в согласии у меня в душе, неожиданно появляется одинокая госпожа аблонь и грубо приказывает ей освободить насиженное место! «Вот ещё», отвечает ей яблоня. «Я уже тут провела много лет, а когда только сюда пришла, место было свободным, я его заняла, значит, оно принадлежит мне по праву! И кто ты такая, чтобы являться сюда и требовать от меня мои владения?» И созвав своих родственников и друзей, спросила яблоня: «Скажите мне, пожалуйста, какое у неё право? Вы её знаете?». «Нет, не знаем!», закричали все в один голос и с боем принялись выгонять аблонь. «Иди отсюда, ты нам чужая! Ты не подходишь нам! Мы тебя не знаем и знать не хотим!». Тогда образ аблони установил свое господство над образом учителя и наказаний и вновь проникнул в моё сознание, как человек, пытающийся пробраться на чужую территорию, пользуясь незаконной поддержкой органов власти. Однако вы хорошо понимаете, что наказывает-то учитель, а не его образ. Боль причиняют побои, а не воспоминания о них. Не вытерпев всего этого, моя душа вознегодовала:

- Вон! Убирайтесь вон! – говорил я, посылая захватчиков к дьяволу.

Когда бы ни спросил меня учитель о названии дерева, я отвечал, что оно называется аблонью, так как речь шла не о дереве из нашего сада. Да и это вскоре прекратилось: учитель был бесцеремонно изгнан не только из моей головы, но и из нашей деревни. Излишне упоминать, что вместе с ним нас покинули также «боги и герои», при нем наводнившие нашу деревню. Для нас существенным в этом событии стало то, что яблоня так и не стала аблонью, а я, претерпев столько побоев и оскорблений, так и не узнал, что же такое яблоня!

Если среди читателей есть те, кто любой рассказ читает от начала до конца, то они могут здесь прервать своё чтение, потому что моя история закончилась. Тот же, кто обладает вредной привычкой читать только послесловия, пусть узнает из этих строк следующее. Те, кто обучает людей не природе вещей, рассказывая о последних под их известными именами, а неизвестным словам, требуя применять их к неизвестным вещам, превращает образование в Сизифов труд и обрекает нацию на худшую из смертей – смерть от духовного голода. По этой причине, на мой взгляд, языковой вопрос превосходит по своей значимости даже Восточный вопрос.

